

WORMRAYSOFDOWN // FOR READING ONLY

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор: Шуга Теплорассветный

Данная книга написана с целью привлечь внимание к проблеме, которая описана в книге. То, что описано ниже является собирательным образом тех ситуаций, свидетелем которых я был лично.

Данная книга **не побуждает** ни к совершению противоправных насильственных / ненасильственных действий, ни к оправданию какого-либо **преступного** сообщества. Все персонажи книги являются вымышленными, любые совпадения случайны. Претензии по содержанию книги рассматриваются **только** с указанием страницы и источником **цифрового** документа. Данная книга **не подлежит печати**.

Содержание данной книги **может оказать** отрицательное воздействие или **вызвать негативные эмоции** у определённых лиц. Продолжая читать далее, **вы рискуете** человеческим в себе.

Для связи с автором используйте **личные сообщения** [канала](#).

WORMRAYSOFDOWN // FOR READING ONLY

Содержание.

Оглавление

Содержание.....	4
Глава 1. Мясокомбинат.....	5
Глава 2. Рутин.....	13
ГЛАВА 3. Евгений.....	19
Глава 4. Лесопарк.....	26
Глава 5. Ремень.....	37
Прежде чем ты закончишь читать.....	41

«Вы никогда не желали детей...»

Вы никогда не желали детей,
Но вы их рожали с тоскою ночей.
Родили немало: уже не считать,
Зачем было столько народу рожать?
А вы их любили? Такого не знаем.
Любой, что ни есть, был для вас нежелаем.
Так вот, что скажу вам, останки чертей:
Любой педофил любит ваших детей.
Побольше чем вы: он даёт им конфеты,
Ошибки не помнит, даёт им советы.
А вам я советую гнойность убить,
Затем научиться потомков любить

Глава 1. Мясокомбинат.

Каждый день в небольшом Бурьяновске был похож на одну большую сказку. Сказку, не имеющую ни начала, ни кульминации, ни счастливого финала. От сказки здесь было только то, что этот город в принципе существовал даже после стольких бедствий. Сам город был скромным, бедным и удалённым от всех других городов. Из достопримечательностей — только алкаши, которые, кажется, вакцинировались от цирроза печени. По восточной окраине города текла мелкая речка, в которой изредка можно было выловить рыбу. На западной части города находились все промышленные здания: электромеханический завод, мясокомбинат и мелкий автовокзал, располагавшийся поближе к центру. В той же окрестности находилась теплоэлектростанция.

Не всё, конечно, бывает в таких городах скучно: иногда меж домов подобных поселений происходит всякое, о чём неместному будет слышать странно, страшно или удивительно. Всегда есть внутри таких печальных и серых

городов человек, который знает и распространяет все сплетни. Таковым обычно плевать, насколько правдивы слухи — услышано, значит должно быть рассказано. По своему обыкновению, одной из самых страшных сплетниц этого города была невысокая женщина лет тридцати двух. Она работала в мясной лавке, находящейся совсем рядом с мясокомбинатом. И, насколько эта история была типичной, женщина эта была с лишним весом, добрая и любящая попить чаю. За каждой кружкой обсуждалось всё, что может быть: от личной жизни собеседника до событий политической сферы будущего. Одной из излюбленных подруг этой торговли мясом была сотрудница разделочного цеха — Светлана.

— И ты утверждаешь, что это не ты был? — в ответ допрашиваемый помотал головой, — Тогда почему из доклада разведчика следует, что в тот день на окраине города был только ты со своими друзьями? — человек отчаянно пытался пожать плечами.

— Цианид, а к чему нам это? Фотографии его у нас есть. Подтверждения есть. Давай просто волкам его скормим, — вмешался в разговор неизвестный в маске.

— Нет, — протяжно говорил Цианид, — эта гадина может нам многое рассказать. Если, конечно, не хочет быть пронизан гвоздями, — каратели переглянулись и подошли к человеку, привязанному к стулу, — Говорить будешь?! — в ответ тот снова помотал головой, глазами показывая, что никакого сотрудничества со своими мучителями он иметь не хочет, — А зря... Парни, вы знаете свою работу.

Тяжёлые сапоги врезались в тело заложника, вызывая брызги крови. От ужаса, когда стул опрокинулся и жертва могла увидеть потолок, ему показалось, что он в церкви. Ему чудилось, что он видит образа на куполе, а купол находится прямо над ним. А меж тем его били и били, пока не прозвучал громкий голос Цианида:

— Хватит! Дадим ему полчаса на размышление.

Стул снова поставили на ножки. По телу и лицу привязанного стекала кровь, перемешанная с потом. Он пытался выплюнуть уже покрасневшую тряпку изо рта, выбраться из плена верёвок, спастись от всех предстоящих ему пыток, но тщетно. Пары чёрных глаз сверлили его, и ему казалось, что глаза эти расположены всюду. Так немудрено и сойти с ума, но он был слишком крепок рассудком, о чём уже успел десятки тысяч раз пожалеть. Он знал: с ним поступят также, как он поступал с людьми. Ему не поможет никто. Остаётся либо выдать сообщников и умереть без всех тех обещанных ему ужасов, либо принять самую страшную для него смерть. Что хуже — он и сам не знал.

— Лидия, — говорила Светлана, отпивая приторно сладкий дешёвый чёрный чай, — а вот с Генкой-то что?

— Ой, Светка, даже не спрашивай. Он ж деньги твои сразу как получил, так пропил. — отвечала женщина, пережёвывая некое сдобное хлебобулочное изделие.

— Вот гадёныш... Чтоб чёрт его побрал! Вот первый раз дала в долг, а этот сразу...

— Ну так а чего ж ты веришь ему? Его обещания — как бабушка надвое сказала. Он знаешь сколько раз кодировался, обещал бросить. А толку что?

— Так он мне божился, умолял. А я, дура, поверила.

— Пфрф... Мужики они все такие, — говорила Лидия, не переставая жевать, — что слово, так без толку.

— Не, ну может он вернёт ещё конечно... Даст Бог... — в ответ Лидия усмехнулась и добавила:

— На Бога надейся, а сам не плошай. Ты сходи к нему, скажи чтоб вернул поскорей.

— Так как он вернёт, если до зарплаты ещё две недели?

— Ну пусть продаст что-то.

— Ой, Лидка, ты что? У него ж жена больная, дети... я так не могу.

— Ну, как знаешь. А Варвара твоя как?

— Лучше не спрашивай, — Светлана закатила глаза.

— А что, учится плохо?

— Да нет... Истерики устраивает. Каждый день! Я только домой прихожу и сразу: «Мама меня никогда не любила, я тебе никогда не была нужна». И ладно по выходным, да Бог с ней. Я один фиг не слушаю ничего. Так она и в рабочие не брезгует. Мать домой приходит уставшая, выспаться хочет, отдохнуть, поесть. А в итоге я вместо отдыха слушаю, какая я мразота, — Светлана задумалась. — Пойду я, наверное, Лид. Послушаю, кого я там не люблю.

— Ага, давай.

По узеньким провинциальным улицам Светлана добиралась до своей девятиэтажки. Картина была обыкновенная: улицы полупустые, дети играют, автомобили проносятся мимо, игнорируя сигналы светофора и дорожные

знаки. Всё как обычно: и день обычный, и прохлада приятная, и люди спокойные. Хотя и свойственно простолюдинам радоваться ясному небу, лицо этой женщины не украсила улыбка. В подъезде тоже ничего не менялось: шприцы, бутылки, пошарпанные стены. Ещё непонятно как живой лифт помог довёз женщину до пятого этажа. Ключ с трудом вошёл в замочную скважину, которая плевалась не то пылью, не то порохом, и дверь открылась.

— Варя, я дома! — несколько раздражённо крикнула женщина в сторону коридора, и в нём появилась девичья фигура. Самой девочке было около четырнадцати. Она была несколько худощава и относительно проблемным ребёнком: после занятий могла выпить бутылку пива, а чуть ли не каждый вечер она курила в своей комнате. Любые разговоры взрослых на неё не действовали, потому что она считала, что это единственный вариант «заглушить боль». Светлана часто винила в этом отца ребёнка, который ушёл из семьи. Себя же эта мясничка считала чуть ли не ангелом: раз ребёнок сыт и матом не ругается, значит со своими обязанностями она справляется. На вопросы соседей она всегда отвечала «А кто из вас не пьёт?». В этом, конечно, тоже была доля правды. Во всех остальных смыслах Варя была обыкновенным, отчасти даже прекрасным: по клубам не шлялась, не напивалась «в хлам», рук мужских не знала, наркотиков избегала, училась хоть и не на «отлично», но на четвёрки. Особых проблем и не вызывало её окружение, так как на постоянной основе она общалась только с двумя подругами, а значит всяких гопников в её кругах не было.

— Привет, — поздоровалась с матерью девочка и стала разгружать её сумку. Лицо её оставалось холодным.

Завершив выгрузку дамской сумочки, она ушла в свою комнату, где по привычке засела во всяких сомнительных чатах. Для неё это было последней нитью социализации: в отличии от матери, её собеседники ничего не говорили про неё плохого. Не говорили ей, что она испортила им молодость, вредит их жизни или бессовестно проедает их деньги.

Светлана тем временем ужинала и смотрела телевизор. Под окнами катались автобусы, а солянка в тарелке кончалась. Медленно кончался и день. Помыв посуду, Светлана легла на диван в большой комнате и стала смотреть телевизор. Новости её не радовали, как и любого обывателя, схожего на неё. К слову, она любила только выпить в цеху на новый год.

День Светланы и подобных ей выглядел именно так. Ничего другого в её быту, как и в быту таких же людей, не было. Все они возвращались с работы, обменивались гневными взглядами с «близкими», ели, ругались на власть и ложились спать. Таких миллионы, но даже в таком многообразии одинаковых людей они умудрялись чувствовать одиночество.

Меж тем Варвара делала уроки. Завтрашний день не обещал ничего нового, а значит, торопиться уснуть не было смысла. Тёплый свет настольной лампы падал на тетрадь, где девочка старательно выводила букву за буквой. Вскоре стопка тетрадей заполнилась, вещи на завтра были собраны, делать было уже нечего. Ложилась спать она не позже полуночи, до которой оставалось сорок минут. Это время она решила провести в интернете.

Она встала со стула, направилась в ванну и начала чистить зубы. Она смотрела на своё покрытое веснушками лицо и вдруг остановилась: «Почему мама меня не любит?» — именно этот вопрос снова возник в её голове. Она простояла в тяжких думах около десяти минут, не выпуская при этом зубную щётку изо рта. Когда она опомнилась, она вновь взглянула в зеркало. Лицо Вари казалось ей кривым, непропорциональным, неприятным и неблагоприятным. Не столько отсутствие тепла со стороны матери, сколько влияние окружения заставляло её так думать: подружки уверяли её, что она некрасивая, поэтому ей мальчики цветы и не дарят. Не то чтобы ей нужны были эти стебли с цветным и пушистым концом, скорее, она считала, что ей нужно внимание. А пацаны с ней не общались. Ей хотелось бы спросить совета у матери, но она боялась: вдруг та засмеёт? Да и какой совет может дать «залётница»?

Покинув ванну, Варя скинула с себя лёгкое платье, постелила себе постель на старой деревянной кровати, уж было собиралась лечь, но что-то забыла. Что-то одно она не сделала. Девочка подошла к окну и открыла его, оторвав его подвижную часть от старой деревянной рамы. Лишь присмотревшись к сидящему на проводе голубю девочка вспомнила — она забыла заполнить дневник. Школьный дневник у неё был заполнен до конца года, а вела она личный. Каждый день по паре строк — и вот тебе уже мелкий литературный труд.

После напряжённых минут написания дневника, она легла на холодную кровать, обнимавшую её хрупкое тело лёгким морозцем. Свет, исходящий от телефона стелился по её лицу, а картинки на экране менялись.

Из рта пленника вынули тряпку. Ранее обступавшие его ребята отошли. Остался лишь Цианид, приблизившийся к нему:

— Ну что, тебе есть, о чём нам рассказать?

— Я ничего вам не скажу, — пустым и холодным голосом, в котором читался страх, ответила жертва.

— Да? Очень жаль... То есть ты готов к тому, что мы с тобой сделаем?

— Делайте то, что хотите. Мне насрать.

В руках одного из солдат появилась фомка. Он приблизился к жертве и прижал инструмент к его нижней челюсти, от чего тот вздрогнул.

— Я вижу, что тебе страшно, — сказал Цианид. — Лучше сознайся: говорит ли тебе о чём-то имя «Виолетта»? — в ответ пленник помотал головой, — Не ври. Мы всё знаем. Причастен ли ты к...

Глава 2. Рутина.

Варя встала в семь утра. Телефон был разряжен и немного перегрет, однако за то время, пока она собиралась, она могла успеть немного его подзарядить. С утра она обычно умывалась и сразу одевалась в парадное. Так было и сегодня. Одевшись и нанеся лёгкий макияж, она завтракала тем, что оставалось в холодильнике — в тот день это была солянка. Светлана сидела рядом, но почти не ела, потому что надеялась похудеть и снова выйти замуж.

— Варя, — заговорила она, — я сегодня поздно вернусь, у нас сабантуй будет.

— Ладно. А что за повод? — слабым голосом спросила дочь.

— Да там юбилей у Тамары. Полтинник бабе стукнул, будем справлять.

Для Варвары эти слова не значили совсем ничего хорошего: мать будет дома поздно, пьяная, а когда она нетрезвая — злая. Также девушка допускала вероятность, что мать вернётся домой уже «телом», то есть напившаяся в конец. Тогда она наблюдёт где-нибудь в коридоре и свалится спать, а дочери придётся убирать (иначе вонь будет стоять долго). Расстроившись от не самых лучших перспектив, Варя взяла вещи и вышла из дома, попрощавшись с матерью. Идти до учебного заведения было минут десять. Добраться до него было легко, но само нахождение там несколько удручало Варвару. Дойти — нужно, иначе не получится поступить в Москву, Петербург, Казань или хотя бы Ульяновск, а это означает жить с матерью и повторять судьбу миллионов.

Есть ли смысл описывать то, что происходит в стенах школ постсоветского пространства — не знаю. Картина вполне привычная, и в этой картине Варя была едва заметной и маловажной деталью. Общалась она лишь с двумя девочками, хотя в этот узкий круг постоянно хотела включить своего знакомого, но общалась она с ним настолько редко, что не помнила его имени. Зато его погоняло всегда всплывало в памяти — его друзья звали его «Артроз». Странная кличка, но его дядя, ныне покойный Кудама, с которым сам Артроз пересекался очень редко, носил погребуху «Кровянка». Так что пацану ещё повезло. Варя старалась не называть его по прозвищу, если не помнила его имени, чтобы его не обидеть. По душам они обычно не разговаривали, но хотя бы раз в неделю девке нужна была какая-то помощь или содействие с его стороны (или хотя бы чьего-то участия), и он, как думала Варвара — «по счастливой случайности», всегда оказывался рядом. Так было и в тот день.

— Извини, у тебя не найдётся огонька? — спросила Варя

— Курящая женщина выглядит вульгарно, — с приколом отрезал Артроз.

— Да не зевай, найдётся?

— Хватай, — парень протянул ей старую зажигалку с логотипом супермаркета, в котором та была куплена.

Техникой безопасности не допускается курение в помещении, но это правило хоть раз нарушал любой курящий. Нарушала его и Варя, хоть и не курила на постоянной основе. Чтобы гасить запах от сигарет, она использовала всякое, но самым банальным и обычным способом — дешёвой мятной жвачкой, в которой ментола

больше, чем наполнителя — пользоваться было приятнее, чем всеми остальными.

День прошёл скучно, но быстро. Впереди была только дорога домой, куда Варя не очень стремилась, поэтому засела на детской площадке напротив родной панельки. Сквозь тонкий купол пасмурного неба светило тусклое солнце. Делать было особо нечего, и девушка просто качалась на качелях, прослушивая в старых проводных наушниках какую-то аудиокнигу. Этим процессом она так увлеклась, что даже не заметила, как к ней подошла её подруга, оттого при её неожиданном появлении вздрогнула.

— Ты чего, опять мамаша злая? — спросила её подруга.

— Нет, просто домой не хочется. У неё корпоратив, наверное опять пьяная в доску придёт... — Варя взяла утомительно долгую паузу, — Маш, а ты не помнишь, как того мальчика зовут? Артроз который...

— Опа... — девица села на соседние качели и заулыбалась, — Понравился, да?

— Да не то чтобы... Просто каждый раз помогает, если нужно, а я даже имени его не помню, — Варвара смущённо воткнула взгляд в землю.

— Да я и сама не помню, — ответила Маша. — Я его обычно Чингисхан называю. А что, понравился, да?

— Да ну тебя... — лицо Варвары расплылось в неловкой улыбке.

— Ну чё, может по пивку?

— Не... Не сегодня.

— А чего так? — несколько обеспокоенно спросила подруга.

— Мать, говорю же. Зачем дома два пьяных тела?

— Ну ладно... А пошли к тебе, раз мамки дома нет. Там хоть чаю попьюм.

— Н-ну пошли, — в этот момент Варя засмотрелась на неизвестного мужчину около площадки. Он стоял и словно кого-то высматривал. Выглядел ли он подозрительно? Вне всяких сомнений. Но Варя смогла увидеть в нём что-то родное. Она сама не знала, что именно, но он показался ей каким-то... Близким?

Резко руку Вари схватила девичья рука Маши и оттащила с площадки с силой, которой обычно не бывает в женщинах (а в особенности — в девочках её возраста).

— Ты чё, дура что ли? Ты чё на него смотришь? — сквозь зубы спрашивала её подруга.

— Не знаю... Похож на кого-то. Очень похож.

— Да ты издеваешься? — также сквозь зубы говорила Мария, — Это же типичный маньяк. Пойдём скорее...

Девушки ушли со двора и очутились в лифте. Там самом, еле живом лифте. Стены лифта были усыпаны различными надписями, а на некоторых его участках встречались разные человеческие выделения. Некогда белый линолеум на полу уже казался жёлтым не то от регулярных испражнений, не то от уличной грязи, которой в каждом городе зимой навалом. Наконец, этот памятник разложения человечества высадил двух юных пассажиров около дверей, в одну из которых они вошли. Пахло древесиной, пластиком, и ещё чем-то. Сложно сказать, что запах этот сложен, поскольку встретить его можно почти в любой квартире. Но от чего он исходит? Быть может, от обоев? Да и ладно, Бог с этим запахом, выбесил уже.

Маша, словно хозяйка, сразу прошла на кухню, зажгла газовую конфорку и поставила воду кипятиться. Она отличалась некой хозяйственностью, коей не у всех хватает. Затем она пошла в комнату Вари, где села на её стул и стала разглядывать изменения в расположении всякого, что светланина дочь складировала там. Вдруг её привлёк листок бумаги, край которого торчал из-под коврика, защищавшего столешницу от повреждений. Маша потянула листок и обнаружила на нём напечатанную фотографию — в каком-то клубе рядом с молодой матерью Варвары стоял какой-то мужчина с усами. Пока Маша разглядывала картинку, остолбеневшая Варвара холодно и вяло произнесла лишь одно слово:

— Положи.

— А кто это? Морда вроде знакомая, а кто — разглядеть не могу.

— Отец... — Варвара опечалено села на кровать и распустила хвост. Её светлые волосы струились по её спине.

— Ой... Извини, пожалуйста... — Маша убрала фотографию обратно, — А ты его хоть раз вживую видела?

— Нет. Мать говорит, что мы ему не нужны.

Варя рассказала подруге всё, что знала об этом мужчине. Его по документам звали Георгий. Как казалось Светлане, он её любил и даже собирался жениться, однако когда та была на шестом месяце, мужчина испарился. Последний раз его видели на автовокзале. Больше о нём не было слышно абсолютно ничего. Варя носила фамилию матери, а об отце ей Светлана ничего не говорила. От него ни осталось ничего: ни портсигара, ни кителя, ни портупеи. Всё, что было — старый, широкий и толстый кожаный

ремень. Варя прятала его от матери, чтобы та не выкинула его, и в моменты накатывающей тоски представляла, как она бы могла проводить время с отцом. И пусть он не рядом, ей всегда казалось, что в такие моменты он бы её поддержал.

— Слушай, твоя мать же с Лидией общается. Она же сплетница страшная, поди знает всё. Хочешь я с ней втихаря побеседую?

— Да не стоит... Вряд ли она что-то знает об отце.

— Я всё равно попробую.

Чай, кружки, обсуждение чего угодно просто чтобы не молчать — можно ли иначе представить типичные для России посиделки? Я думаю, что нет. Да и пожалуй, нет в этом нужды, поскольку всех это устраивает. Вскоре Маша уйдёт, оставив свою подругу ждать возвращения выпившей матери. История была в точности, как ожидала Варя: придёт, есть не будет, ляжет спать. Осознав, что мать спит, Варвара снова зависла в каких-то интернет сообществах, потребляя бесконечно большие потоки информации. Затем она ляжет спать, и для неё наступит следующий день — ничем не лучше и вряд ли чем-то хуже, чем этот. И так проходил каждый день, разве что Светлана обычно была трезвая.

ГЛАВА 3. Евгений.

Евгений сидел в своей квартире. На нём были лишь старые боксёры и майка-алкоголичка, покрытая пятнами разного происхождения. Кресло слегка поскрипывало под ним, а стол его был заставлен разными банками из-под дешёвого пива. На полу гнило три головы вяленой воблы, а клавиатура при каждом нажатии клавишей хрустела обломками сухарей, которые так долго копились под ними. Его щетинистое лицо казалось синевато-белым, яркие голубые глаза, вечно налитые кровью, с трудом смыкались. Он тяжело дышал, словно всю жизнь курил папиросы. Несмотря на очень вредный образ жизни, Евгений оставался атлетичным, хоть и слегка обвисший от пива низ живота портил картину. Он сумел сохранить также и внешнее мужество: руки его выглядели так, словно он этими двумя руками может задушить льва, но кисти выглядели истощённо, выдавая всю непитательность его рациона. Мужчина стукнул по мышке компьютера, и на мониторе появился его чат со знакомым. Тот прислал ему некое видео и очень настойчиво просил заценить. «А почему нет?» — подумал Евгений. Видео стало воспроизводиться.

Изначально это было обычное слайд-шоу из фотографий двенадцатилетней девочки, а иногда среди всех картинок мелькала полноватая женщина за сорокет. Такое совсем не интересовало мужчину, но когда он взглянул на длительность видео — чуть больше часа — решил проявить терпение и досмотреть до конца. Слайд-шоу резко сменилось «документальной» съёмкой: в каком-то помещении,

предположительно на цокольном этаже, девочку и мать били несколько мужчин, одетые в чёрную одежду. Их лица закрывали маски, походящие на головы зверей. Такие обычно носят аниматоры.

Евгений сам не заметил, как с воодушевлением досмотрел видео до конца. Если вкратце, то сначала и дочь, и мать изнасиловали по кругу. Затем мать подвесили на верёвках, разбили череп молотком, а затем заставили девочку языком вынимать фекалии из прямой кишки собственной матери. В конце её тоже убили, что, пожалуй, является лучшим моментом в видео с точки зрения нормального человека, ведь несчастная не будет жить с этими ужасными воспоминаниями. Все эти зверства радовали Евгения: он написал к этому проклятому видеоряду огромную рецензию, которую было бы противно прочесть здоровому человеку. Но тут какой-то голос из глубин души заговорил с ним:

«А ты ведь не такой. Ты так не можешь. Они тебе как жёны» — мысли пытали Евгения. Он и правда не решился бы на такую жестокость, но человеком его всё равно назвать было сложно. Особенно, когда он снова захотел «ощущений»... Он стал пересчитывать пивные банки, в надежде найти в них ответ. Обычно пил он каждый день, когда рядом с ним не было никого, и пил не более одной банки. Однако в последнее время он пил, как считал сам, «непозволительно много». Это мотивировало его снова «пройтись по блядам».

Ни в одной из знакомых ему девушек (и девочек в том числе) он не смог отыскать того, чего ему не хватало. Евгению снова хотелось невинную. При этом, хотелось не

просто пару раз встретиться и совокупиться, а даже некоторое время пожить или хотя бы «встречаться». В себе это желание он не любил и считал, что это «навязанная романтика». Но «аппетит» разыгрывался, и он нехотя оделся в серую клетчатую рубашку (клетки были синие) и вышел во дворик.

«Хоть бы просто передёрнуть и уйти... Просто уйти...» — вращалось в голове молодого педофила. Но планы его рушились: на детской площадке были лишь дамы с колясками. Матери его не интересовали (и притом очень зря), а детей он считал «слишком маленькими». И тут ему в глаза бросилась девочка на качелях: на вид лет четырнадцати, выглядит более-менее зрело, лицо приличное, волосы светлые. «То, что нужно» — шептало ему что-то на ухо, и Евгений сам не заметил, как оказался рядом с ней.

— Чего одна сидишь? — мягким голосом и с улыбкой поинтересовался Евгений, — Могу составить тебе компанию?

— Н-не знаю... — несколько испуганно ответила девушка, не поднимая глаз на мужчину, а лишь глядя на него периферийным зрением, — Зачем?

— Ну... Вдруг тебе скучно. Я мог бы... Стать твоим другом.

— Не стоит... Мне весело...

Мужчину сильно тревожил этот ответ — как будто с его удочки сорвалась огромная рыба. Но он не стал отчаиваться и сел на соседние качели.

— Да ладно, я же вижу что тебе одиноко, — в глаза Евгению бросилась сигарета, догоравшая в руке девушки, — Куришь что-ли?

— Нет. Кончились, — дрожащим голосом отвечала девушка.

— Да не бойся ты. Я добрый. Меня Женя зовут, — он протянул руку, а вслед за слабеньким рукопожатием сказал: — Возьми мои.

Мужчина протянул ей пачку, в которой было семь сигарет. Они были достаточно редкие, и достать такие мог не каждый, потому что как только в Бурьяновске появлялись такие, местные любители тут же их скупали. Девушка инстинктивно взяла пачку в руки, хотя не хотела, но почему-то взяла её.

— Меня Варя зовут... — она впервые посмотрела на незнакомца и резко отшатнулась, поскольку узнала в нём того самого человека, что Машей был назван маньяком.

«С другой стороны... Маша ведь не сказала ничего конкретного насчёт него. Только предположила. Может, он не такой уж и плохой... По крайней мере выглядит добрым» — подумала Варя, бросив окурков себе под ноги. Человек показался добрым, но всё равно вызывал отвращение — что-то мерзкое было в его лице.

Далее состоялась непродолжительная беседа, которую я даже расписывать не собираюсь. И не буду. Кому там подробностей мало? Весь диалог выглядел в основном так: Евгений что-то говорил, Варвара что-то коротко и сквозь страх отвечала. Она в принципе была немногословной и, как правило, держала свои мысли при себе. Общее впечатление о собеседнике у неё осталось хорошим, хоть и неоднозначным. Но хорошим. Хоть и неоднозначным.

Новый знакомый ушёл, оставив свой контакт. Почти всегда оставление своего контакта объекту считается более

тактичным и более дружелюбно выглядит в его глазах, чем просьба выдать свой. Скорее, связано это с тем, что объект зачастую сомневается в том, что собеседник ему приятен, и не хочет ввязываться в ситуацию, где ему будут время от времени звонить или писать, а он вынужденно отвечать. В первом же случае развития событий, объект может самостоятельно решить, хочет ли он поддерживать связь с малознакомым или вовсе незнакомым ему человеком, что даёт иллюзию покоя и безопасности. На деле, если собеседник сделал всё правильно, то объект уже «на крючке», и плевать, свяжется он или нет — котёл уже замкнут вокруг него. Примерно в такой ситуации была и Варвара, но скорее всего были и вы.

Евгений тем временем шёл домой. Он мысленно умолял новую, как ему казалось, подругу, написать. Но был почти уверен — напишет. Объяснял он свою уверенность тем, что ещё незрелый и неустойчивый ум всегда купится на «понимающего и заботливого взрослого». В чём-то он был прав — втереться в доверие не составляет труда, если цель не разведчик. Но школьниц в разведку не берут, хотя жаль. Или нет. Сами подумайте.

Варя оставалась на площадке. Не потому что хотела, а потому что некуда было идти. Что делать дома? Ждать мать, которой она не нужна? На улице хоть как-то весело — и люди есть, и шум, и воздух свежий. Незаметно и очень неожиданно рядом с ней появилась Маша.

— О, опять тут. Чего сидим? Пройтись не хочешь? — спросила новоприбывшая.

— Пойдём, — холодно говорила Варя. Обе девушки направились куда глаза глядят. Варя вежливо протянула пачку подаренных ей сигарет подруге.

— Нифига се, «Крымчанка»? Откуда? — Маша с огоньком в глазах вынула одну штуку из пачки, хотя обычно не курила.

— Помнишь парня, которого ты маньяком назвала?

— Варя, нет... — Маша раскрыла глаза и стала мотать головой, словно пытаюсь как-то повлиять на ситуацию.

— Да он не такой уж и плохой вроде. Вежливый.

— Варь, ну ты дура? По нему же видно, что он убийца.

— Ну не очерняй ты его. Он же не...

— Убийца детских сердец. Я тебе устрою такие пытки, которых ты никогда в жизни не видел, — говорил Цианид, прижимая к полу свою жертву. — Сознайся и я просто отсеку тебе голову. Просто сознайся и выдай сообщников. Просто сделай это, мудака.

— Я не собираюсь ничего говорить, и пыток ваших я тоже не боюсь, — надменно сказал привязанный к стулу мужчина.

— Это зря, очень зря... Физику изучал? Знаешь для чего на дорогах температурные швы?

— Мне глубоко срать. Это продукт чернорабочих, которые должны содержаться в рабстве.

Цианид показал жест сообщникам, и те стали кипятить воду. Откуда-то они принесли сухой лёд. Теперь каждый понимал, что сейчас произойдёт, но никто, абсолютно никто не хотел портить интригу.

— Сейчас ты у меня разговоришься, гад... Сейчас будет очень весело. Всем, кроме тебя.

На голову пленника положили пакет сухого льда, а отдельные гранулы закрепили бинтами на коже лица. Этого уже было достаточно, чтобы тот завопил от боли, но один из членов этой организации начал медленно выливать кипяток на лицо, голову и плечи своей жертвы. Ор стоял такой, что за дверью слышались шорохи.

— Твою мать, сторож... — тихо выругался Цианид, — Иди разберись, Фо...

Вечер прошёл как обычно. Варя также собиралась спать, наблюдая за событиями в телефоне. В сообществах, к которым она привыкла, ей было скучно, поэтому она всё же решила написать Евгению. Для него, скажем честно, это был подарок — он мог зайти на страницу девушки и посмотреть на неё так, как ему вздумалось. Правда, вскоре выяснилось, что ни одной своей фотографии Варя не выкладывала. Но он всё равно был рад. «Окончания женского рода... Как же это прекрасно...» — думал Евгений. Думал он и о том, как бы поскорее заманить девушку в свои сети поглубже. Для опытного «охотника» это не представлялось большой трудностью — он знал, что всё получится.

Сторож был убит.

Глава 4. Лесопарк.

Евгений был разгневан тем, что так просто втереться в доверие к казалось бы наивной девочке не получилось. Ему хотелось поскорее начать действия, но соответствующих маркеров для этого он не видел. Но вот, уже через неделю, он позвал Варю гулять в лес. Вы наверное подумаете, что он готов был вступить в половой акт в лесу и изнасиловать несчастную на какой-нибудь тропинке, но нет — это была продуманная операция.

Варя несколько боялась леса. Да и идти с незнакомцем туда то ещё удовольствие, хоть и лес был больше похож на парк. Но она была на пороге влюблённости, ведь Евгений был очень ловок в этих вопросах. Да и показался он ей приятным, ненавязчивым и добрым. Его странные повадки и их знакомство она не посчитала чем-то странным лишь по причине его одиночества. Да, он странный, немного глупый, возможно, больной каким-то тяжёлым заболеванием, о котором сам не знает. Но для сердобольной Вари это было лишь поводом для жалости к нему, а это — прямая лазейка для его махинаций.

Местом встречи они выбрали небольшое кафе неподалёку от входа в лес. Странно ли это? Вряд ли страннее дружбы почти тридцатилетней мужской особи и школьницы. Притом дружба между тридцатилетнем мужчиной и школьником воспринимается лучше, если только один из них не голубых кровей.

Варя ждала Евгения чуть больше двенадцати минут, а тот, как обычно, задерживался. Эта его черта не совсем

складывалась с торопливостью. Он, с одной стороны, всегда и везде спешит. С другой — везде опаздывает. Как? Но, в общем, человеком он был почти типичным.

Наконец из-за угла появился Евгений. Он мягко улыбнулся девушке и подарил ей какую-то дешманскую брошь (обыденная практика для него). В ответ та была польщена, смущена и десна. Ей, к слову, ранее никто не дарил ювелирных изделий, кроме без пяти минут покойной бабушки, подарившей Варваре серьги. Сама дева не видела никакого смысла в этих благородных металлах на коже, камушках и прочей хрени, но прошу учесть — она всё-таки женщина, а значит детская радость у неё возникла. Это, скорее, влияние не сколько подарка, а столько внимания со стороны малознакомого приятеля. Хотя Варе казалось, что этого мужчину она знает давно. Настолько давно и настолько хорошо, что ей даже чудилось, что Евгений ей ближе чем отец к детям в тех семьях, где он есть. У неё, напомню, его не было. Зато был его ремень. Ремень!

Меж тем грязный (хотя нет, гнилостно-мерзостный) план Евгения продолжался. Неразговорчивую девушку он легко вывел на диалог, и она сама не заметила, как они вошли в такую глубь леса, что за сосной уже чудился медведь. Подумайте сами: кто лучше, Женёк или мишка? На самом деле, каким хорошим бы не был человек, медведь всегда лучше. Даже стервятник был бы лучше среднестатистического человека. Имело ли это большое значение в головах этих двух? Нет. Они весело шли дальше, обсуждая всё подряд. Но вот незадача — впереди прудик (или, скорее, низенький ручеёк, текущий в овраге). Единственный вариант перебраться на другую его сторону —

пройти по старой завалившейся берёзе, соединяющей «берега».

— Давай не пойдём... — немного испуганно сказала Варя

— Да не бойся ты. Разве ты так часто бываешь глубоко в лесу? Когда ещё ты сможешь испытать такие эмоции? Ничего страшного нет, смотри, — Евгений ловко прошёл по берёзке.

Прагматизм — не очень свойственная женщинам черта. Если мужчина, как правило, выбирает умом, то женщина — сердцем. Зная, что прогуляться предстоит именно по лесопарку, Варвара всё равно надела платье и какие-никакие босоножки. Разумеется, пройти по берёзе она не смогла: шагнув чуть дальше, чем за половину, она не смогла удержать равновесие и шлёпнулась в ручей. Брызги, грязь, печаль. Отвергшим мышление такое и грозит.

Евгений, стараясь сойти за порядочного человека и джентльмена, спустился в овраг и поднял девочку на ноги, помогая ей стряхнуть с одежды грязь, пыль, веточки и прочее нежеланное. Справедливо подумать, что он помог ей и выбраться — действительно, оно так и было.

— Как я теперь домой пойду? Меня мама убьёт... — отчаянно и опечалено говорила Варвара.

— Да не переживай ты. Я недалеко живу, зайдём ко мне, оденешь что-то из моего гардероба. За час и постирать, и высушить успеем, — утешал Евгений. В ответ девушка кивнула.

Подло, гадко, мерзко, отвратительно, тошнотворно, неприятно, но в то же время умно. Легко было бы сказать, что нет в этом никакой стратегии, а так лишь совпало, или это

вообще план на уровне детского сада, но всё далеко не так. Во-первых, Евгений был сторонником комфорта, и свои грязные дела никогда не проворачивал в подвалах или на опушках (ладно, что уж там говорить, было и такое), и своих жертв какими-то схемами, наподобие этой, приглашал домой. Во-вторых, этот «добрый жест» фактически формировал в его жертвах что-то вроде привязанности: им казалось, что их действительно любят, хотя так отчасти и было, а не просто эксплуатируют. Да что уж говорить, если практически любая особь могла попасться на удочку этого далеко не блестящего умом человека? Хотя... Тут как посмотреть, и эту фразу можно понимать во всех смыслах.

Евгений под руку вёл грязную и огорчённую Варю, ведя её из лесопарка в сторону города. Чтобы сильно не смущать её (а это было бы вредненько), мужчина, если его в принципе можно так называть, вёл её переулками. Наконец, они вошли в его квартиру, где уже нельзя было найти ни пивных банок, ни до ужаса грязной пепельницы, ни иных следов морального разложения — он всё ещё рассчитывал произвести хорошее впечатление, чтобы жертву можно было «крутить много раз». На чём крутить? Не скажу.

— Смотри, — начал Евгений, — вон там ванная комната, можешь помыться. Стирку я сам поставлю, ты с моей стиральной машинкой не справишься. А одежду... — он подошёл к старому шкафу и открыл его дверцу, Варя стояла за ним.

— Т-только мужская?

— Да, другой у меня нет. Я же один живу.

— Блин, я же в ней утону... — сказала девушка, перебирая руками футболки и спортивные.

Евгений перевёл взгляд на Варвару — действительно, слишком худа она для таких размеров. Но что же тогда делать? Он задумался, а затем сказал:

— В сумке на шкафу есть вещи, которые от племянницы остались, она из них выросла. Кажется, там должен быть твой размер, — он снял со шкафа сумку и выгреб оттуда вещи. Варе приглянулось какое-то узкое платье чуть выше колена, и она решила надеть его после гигиенических процедур. Она удалилась в ванную мужчины, предварительно множество раз поблагодарив его.

Евгений ждал её на диване. На телевизоре перед ним воспроизводился какой-то второсортный сериал, а он лишь сидел и изредка поглядывал на экран. Вот-вот что-то будет...

Абу абд иль-Барр вошёл в церковь, перешагивая через тело сторожа. Его мешковатая одежда колыхалась с каждым его шагом, а лицо его было строгим.

— «Виолетта»? — спросил он.

— Никак иначе, — ответил младший разведчик, приводя пленника в чувство. Обработав слова незнакомого ему воина, мужчина подошёл к объекту пыток и спросил:

— Знаешь ли ты что-нибудь о местонахождении Лития?

— Нет, — ответил допрашиваемый.

— Знаешь ли ты что-нибудь о деятельности твоей организации в регионах Северного Кавказа или странах Балтии?

— Нет.

— Готов ли ты взамен на право быть переданным в руки своих выдать позиции организации?

— Нет.

— Казните, — сказал Абу абд иль-Барр.

— Рано, — сказал Цианид, — пусть помучается.

— Как знаешь, — новоприбывший приблизился к пленнику и заметил под его футболкой нательный крест. — Могу я попросить старшего из вас об одолжении?

— Проси, — сказал кто-то, всё время находящийся за пределами источников освещения.

— «Виолетта» прошла по членам украинской общины. После их погромов на одном заборе мы нашли крест, на нём был наш человек. Если вам не будет трудно...

— Око за око, — перебил стоящий в тени. В ответ Абу абд иль-Барр кивнул и отошёл в сторону, а малозаметный авторитет подозвал к себе Цианида, затем что-то сказал ему на фарси, после чего последний громко объявил:

— Колотите крест!

В здании церкви остался только Цианид, стоящий в тени и недавно подошедший Абу абд иль-Барр. Остальные куда-то отошли, но уже через пять минут внесли огромную деревянную фигуру, сколоченную из нескольких старых, уже искажённых временем, досок. Крест облокотили на стену, и солдаты принялись отвязывать от стула жертву. Пленник пытался рыпаться, дёргаться, драться, но одним ударом в живот был остановлен. Руки и ноги его привязали к кресту.

— Это твой последний шанс избежать мучений, — сказал Цианид. — Выдай нам своих и будешь убит обычной саблей.

— Я вас ненавижу, черти! — кричал пленник настолько яростно, что по его щекам стали стекать слюни. Кричал он и многие другие ругательства.

— Улыбнись, — заговорил стоящий в тени, — твоя смерть абсолютно напрасна. Алексея уже хорошо пытаются... Наши. Я думаю, он уже всё рассказал.

— Хватит пустословить, — заговорил Цианид, — приступайте.

Обычные, не выделенные особыми полномочиями воины, коих было не менее пяти, взяли в руки молотки и старые, ржавые толстые гвозди. Они стремительно приближались к приговорённому, привязанному к высокой конструкции креста.

Варя сидела рядом с Евгением. Она была не против его компании, потому что он всё больше казался ей человеком, заслуживающим доверия. Старая стиральная машина, одним словом — рухлядь, подмешивала едкое средство для стирки в барабан, возвращая ткани родной цвет.

В голове Евгения что-то затрещало — пора действовать. Для людей его склада ума это всегда означает, что любые дальнейшие действия возымеют успех. Варвара сидела по правую руку от него, поэтому именно правую руку он закинул на спинку дивана, едва касаясь её плеча. Он плавно и медленно опускал руку на её плечо, пока, говоря прямо текстом, не обнял. И на её месте, в её положении, наиболее логичным было бы отвернуться, отойти, убежать, хотя бы сказать о том, что так делать не стоит. Но что за дурость бывает в людях? Она лишь села ближе. Не от большого ума и не от большой глупости. Скорее, от слепой доверчивости, которая лишь развязала руки Евгению: сначала он начал просто приставать, кладя руку то на бедро, то куда-либо ещё,

а затем и вовсе надругался. Как именно это было Варе не удалось запомнить — единственный отпечаток в её памяти оставило укушенное ухо.

То, что Евгений — преступник было очевидно и самой Варваре. Как только всё кончилось, откуда-то возникло чувство использованности, какая-то обида, даже гнев. Она представляла себе дальнейшие события примерно так: её пинком отправят на улицу и забудут, а она будет вечно жить с клеймом изнасилованной и униженной. Но её размышления в клочья разорвал писк стиральной машинки. Тут она вспомнила и про маму, и про платье, и про парк. Едкие и жаркие эмоции сменил леденящий страх, вызывающий дрожь. Именно эту реакцию форсировало отсутствие Евгения рядом — где он? Раздался скрип, за которым последовал пластиковый щелчок. Кажется, он открыл стиральную машину.

— Вот, возьми, — как ни в чём не бывало сказал Евгений, протягивая ей слегка сырое платье.

— С-спасибо... — стеклянно сказала Варвара, беря платье в свои дрожащие руки. Сложно сказать, было ли это воспринято ей как добрый жест, но её представление о нём стало мягче и лучше.

— Чай поставить? — спросил он.

— Н-нет... Я... Я, пожалуй, пойду...

— Ну, как знаешь.

Мужчина куда-то отошёл из комнаты, шурша какой-то тканью, а Варя тем временем спешно переоделась и выбежала из квартиры. Эмоции, впечатления — всё было смешанным. Даже очутившись дома она не почувствовала

никакого облегчения. На пороге её встретила мать... Более неудобного разговора Варя себе и представить не могла.

— Ты где была? И почему вся мокрая?

— Я... — она походила на робота, — Да я с подружками в речке купалась...

— Вот сколько раз я тебе говорила туда не ходить?! — Варя прошла в свою комнату, а мать шла за ней и ворчала, — Туда что только не сливают, у людей сыпь от этой воды, а тебе всё без толку!

Светлана ушла на кухню допивать чай, а Варя приняла решение помыться, чтобы облегчить никак не утихающую волнообразную боль. Но ни тёплая вода, ни последовавшая за ней но-шпа никак не способствовали облегчению состояния. «Лучше, наверное, просто лечь спать и не проснуться» — подумала Варя, ложась в прохладную постель. За окном ещё смеркалось, у Вари было много дел, она многое планировала сделать этим вечером, но её мать несколько не удивилась тому, что её дочь легла раньше.

Сама того не желая, девушка инстинктивно взяла телефон. Как назло открылся чат с Евгением... К этому она явно не была готова. В каждом сообщении он извинялся за свою «торопливость», клялся в вечной любви и аргументировал всё это тем, что разница в возрасте — небольшой нюанс, который никак не помешает их отношениям. От этих ощущений Варя разревелась, но с другой стороны ей почему-то стало легче. На все десятки сообщений она не ответила ни слова, просто выключила телефон и убрала его подальше. Уснула она, на удивление, быстро и без проблем.

Утром Варя решила не идти в школу, что для неё тоже было несколько необычно. На вопрос матери она лишь ответила что-то про менструальные боли, но та, что ещё более удивительно, просто махнула рукой, достала аптечку и ушла на работу. Никаких врачей, расспросов и всего прочего.

Как бы то ни было, Варе было совсем не до всего этого. В её глазах крутились события предыдущего дня, далёкого прошлого, самых разных представлений будущего. Несколько часов она лишь пролежала на диване, глядя в потолок и тихо плача. Не знаю, ступор ли это, скорее крайняя степень отчаяния.

В четвёртом часу кто-то позвонил в дверь. «Мать раньше пришла» — подумала Варя и открыла дверь, не посмотрев в глазок. Перед ней стоял Евгений. В принципе, для неё это было соразмерным шоком, если сравнивать с тем, что она пережила вчера. Для чего он мог прийти? Раскаться? А может быть повторить? Но он неожиданно даже для себя самого протянул ей букет цветов.

— Варя, пожалуйста, пойми, — начал он, — я правда не хотел тебя ранить. Да, я дурак, я козёл, поторопился, но, пожалуйста, пойми, я правда тебя люблю...

Насколько он выглядел униженно — это надо видеть. Фактически, он признавал своё поражение искренне и перед самим собой, но его преступные аппетиты лишь росли. Варя отступила от двери и впустила его внутрь. Зачем? Она сама не знала.

Их разговор был более похож на исповедь Евгения. Он извинялся через каждое слово, обещал стать лучше, обещал заботиться о ней. Его действительно мучили остатки его хромой совести, хоть он и не слушал её почти никогда. Его

слова произвели на собеседницу какое-то исцеляющее впечатление. Сильное. Настолько сильное, что она его простила и согласилась быть с ним вместе. Эта история начала обретать шокирующие обороты.

Застучали молотки, пробивая насквозь кожу, сухожилия и кости пленника. Он орал изо всех сил, но уже через семь минут он усадил горло. Его ноги просто пробили гвоздём насквозь, не прибывая его к доске. На тот момент он уже повесил голову, и все присутствующие подумали, что он умер, за исключением Цианида, который проверил реакцию глаз на свет и громко оповестил всех о том, что он ещё жив.

Измученный и окровавленный, он жмурился, а голова его была направлена в пол. Кровь стекала с его рук и стоп на пол, образуя красные лужи. Но даже это не угомонило присутствующих: один из них подошёл к огромной мозаике на стене и посветил фонарём. В глаза бросалась одна важная деталь, присутствующая на фреске и отсутствующая на человеке — терновый венок. Такого у них с собой, понятное дело, не было, поэтому умирающему просто обмотали голову колючей проволокой.

Глава 5. Ремень.

Варя улыбалась, переписываясь с Евгением. Они общались уже месяц, и Варя даже знала все ужасы его прошлого, но верила в то, что её «возлюбленный» может исправиться. Он, вроде как, пытался, но это невозможно было знать точно. Варвара полностью погрузилась в общение с Евгением, и даже стала реже общаться с Машей. Странное дело, вроде ещё недавно вы близкие друзья, а на следующий день вас оставляют на второй план ради человека с улицы. Но для Вари это было в какой-то степени полезно — она не обращала внимания на нелюбовь со стороны матери, реже думала о проблемах и больше мечтала. А Евгений сам не мог определиться, использует он её или нет. Даже если нет, то он понимал, что может сильно ей навредить, а потому и раздумывал, как бы безболезненно для неё исчезнуть.

Внезапно тишину в квартире прервал звук замочной скважины. В квартиру вошла Светлана, на которую дочь не обратила никакого внимания. Женщина пошла напрямик в комнату Варвары. Её единственной эмоцией в тот момент была ярость. Она вошла в комнату Варвары и попыталась вырвать телефон из её рук, но не удалось.

— С кем ты там переписываешься, шлюха?! Давно ты у нас в бляди заделалась? — кричала Светлана

— Что? — обеспокоенно спрашивала девушка, пытаясь отодвинуться от разъярённой матери.

— Как что?! Ты думаешь я дура? Мне Лидка рассказала, чем ты там занимаешься!

— Что?

Далее слова Светланы носили в основном бранный характер и были не совсем к месту, но в целом она была недовольна её контактами со взрослым мужчиной. Она не переставала бить родную дочь, нанося ей удары и по голове, и по лицу, и по телу. Наконец она остановилась и грозно посмотрела на Варвару:

— Разве так я тебя растила?

Эти слова были последними, которая сказала Светлана, прежде чем уйти в другую комнату. Всё тело Вари болело от ударов, из носа текла кровь. По звуку шагов матери она поняла: это ещё не всё. Неожиданно из стола выпала фотография. Та самая, на которой был изображён отец. Варя почему-то подумала, что он бы такого не допустил, что он бы её понял, что он бы простил её. Между тем Светлана вышла из квартиры. Варя понимала: теперь этот конфликт будет преследовать всю её жизнь, а следующие лет десять она напрямую зависит от матери. Мысли сжимали голову девушки, она не знала, где найти покой и утешение, пока не вспомнила об отцовском ремне.

Варя минут пятнадцать крутила его в своих руках, пытаясь найти в нём защиту. Вдруг она встала, закинула конец ремня на люстру, завязала его, а второй конец завязала в удавку. С одной стороны, она не собиралась вешаться — она лишь хотела утешить себя мыслью о смерти. С другой — она не видела другого выхода.

«Всё равно я никому не нужна...» — подумала Варя. Она даже не смогла заплакать от переполняющей её боли, а потому решила не тянуть болезненные ощущения всю жизнь. Она чётко решила: надо действовать. Она стала скидывать в металлическое ведро свои тетради, личные вещи, одежду.

Но она не смогла найти свой дневник. Тот самый. «Не я, так кто-то другой» — подумала Варя, обливая растительным маслом гору вещей в ведре. Затем она закрыла все окна, зажгла спичку и бросила её в ведро, а уже через некоторое время сама Варвара безжизненным телом качалась на люстре.

Распятие поставили в центральной части храма, оставив на обратной стороне высеченные позывные. Заблестел рассвет, и все солдаты по очереди покидали храм. Последним вышел Цианид, заперев его двери. В дверной ручке он оставил послание на бумаге: «Так будет с каждым. ВЛТТ».

Судья перелистнула бумаги, а затем громко произнесла:

— На основании изложенного, руководствуясь статьёй уголовно-процессуального кодекса, суд постановил:

1. Ходатайство следователя Краснова Виктора Николаевича удовлетворить.
2. Избрать в отношении обвиняемого Горюнова Алексея Андреевича 11 января 1998 года рождения меру пресечения в виде заключения под стражу.
3. Содержать Горюнова Алексея Андреевича под стражей в следственном изоляторе №4 города Евтушенска сроком на один месяц, то есть до двенадцатого апреля текущего года включительно.
4. Копию настоящего постановления направить прокурору, обвиняемому и его защитнику.

5. Настоящее постановление может быть обжаловано через Евтушенский городской суд в течение 3 суток со дня его вынесения в апелляционном порядке через Бурьяновский районный суд.
6. Постановление объявлено. В соответствии со ст. 256 УПК РФ, разъяснено право и порядок его обжалования.

Судья: Петрова Лариса Сергеевна.

Торжественная часть окончилась. Лица расходились, а осужденный печально смотрел в маленькое окно автозака. «Была бы ты жива...» — подумал он.

Георгий вошёл в свою квартиру и поставил несколько бутылок пива на стол. Он снял с лысой головы синюю кепку и сел.

— Ну как? — спросил Геннадий, открывая одну из бутылок зубами.

— Прикинь, посадили Женька. Походу реально насильничал.

— А я и не удивлён, — сказал Геннадий, глотая горькое пиво.

— Только в постановлении почему-то указано «Алексей», он разве не Евгений?

— Значит не Евгений. Он же всегда странным был.

— Да, но едрить-колотить, он был нормальным! А тут что-то не то... — озадаченно сказал Георгий.

— Девка же его вздёрнулась. Вот он и умом двинул.

Прежде чем ты закончишь читать...

...я хотел бы разъяснить цели написанного. Вы уже могли обратить внимание на довольно скользкую тему — педофилия, которой, как может показаться, уделено малое значение.

Давайте начнём с самого начала. Во-первых, Варвара во многом сама виновата в том, что проявила доверие и беспечность в этом вопросе. Так было и во всех тех историях, что я наблюдал, поэтому можете не кидать тапки. Самым основным вопросом, который был здесь описан (и его вы могли проглядеть в эпиграфе к книге) — халатность Светланы. Своей единственной заслугой она считала то, что её дочь жива. Остальное её мало интересовало. Такое поведение с её стороны и сделало её дочь той самой мечтательной душой, которая «ищет любви». Но очень хочу процитировать одно нецензурное выражение: каждый хочет либо набить, либо выебать. Да, грубо, но вполне простая формула, которую каждый человек должен вбить себе в мозг.

Отец Варвары тоже причастен к случившемуся. Именно он должен был заложить в Варваре рамки доверия и самосознания, которые не позволили бы этому случиться. Но он ушёл из семьи. Да, причины могли быть разные, но основа в том, что он в принципе ушёл. Не менее важно понимать, что раз нет отца, то правильно воспитать дочь во всех смыслах слова «воспитать» должна была именно Светлана. Это она упустила.

Во-вторых, Евгений — не педофил. Его случай называется эфебофилия. Вы можете подумать, что он не

такой уж и плохой человек, однако вернитесь к самому началу главы «Евгений». Там описано, что он, по всей видимости, общается с дьяволом в человеческом облике (вспомните видео, которое ему прислали). Он, конечно, напел Варваре всякое про то, что он поменяется и так далее. Для таких историй **это типично**. Типичнее лишь то, что такие слова зачастую ничего не значат.

В-третьих, давайте поговорим про параллельное повествование. Может показаться, что оно тут ни к чему, однако если вы так думаете, то вы упустили важную часть повествования. Листните чуть вверх. Кому выносятся приговор? Некому Алексею. В главе «Лесопарк» стоящий в тени говорит: «Алексея уже хорошо пытаются...». Получается, что распятый пленник знал Алексея, но при этом ещё и был назван Цианидом «убийцей детских сердец». Этим я пытался намекнуть, что Евгения на деле звали Алексей. В этом снова можно проглядеть обман с его стороны.

В-четвёртых, основной **виновник самоубийства** Варвары — Лидия. Опять же, может возникнуть мысль, что она здесь не причём. Но! Учитывайте контекст. Лидия с самого начала знала все сложности отношений Светланы с дочерью, однако гадкий слушок всё же рассказала Светлане. Куда логичнее и действеннее было бы обратиться за помощью к какому-нибудь мужчине, в самом крайнем случае — в полицию. И тот, и другие разъяснили бы Алексею, что к девочке лезть не надо. Однако вместо того чтобы сделать что-то полезное, Лидия решила, что на ней не будет никакой ответственности, если она просто расскажет обо всём Светлане. Здесь можете проглядеть пагубное влияние сплетен.

Самоубийство Варвары не было расписано подробно, и этому вопросу я не уделил большого внимания по двум причинам: во-первых, нет смысла описывать примитивное повешение; во-вторых, чувства варвары в тот момент очевидны. Реакцию Светланы и последствия я описывать не стал, так как со смертью главной героини книга мне стала неинтересной, а Светлана ненужной. Если вкратце, то у Варвары **не было никаких гарантий** на то, что Алексей поменяется и будет хорошим человеком, да и след от его поступка остался. А отношения с матерью уже не подлежали восстановлению.

Я мог бы детально описать изнасилование, других жертв Евгения, других лиц, мог бы добавить миллионы подробностей, тем самым вызвав абсолютное отвращение к Женьку и ему подобным, но не стал. Виной всему глупость обычного читателя, который мог бы не понять посыл. Но вы, надеюсь, читали вдумчиво. Благодарю за прочтение, все рецензии публикую в канале.

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ВЫРАЖАЕТСЯ:

Безымянному (@teekyly) за участие в обложке, чтение и редактирование книги;

Неназванным лицам за всяческую помощь;

Каждому читателю (тебе тоже, мяу).

WORMRAYSOFDOWN // FOR READING ONLY